

Опасные
удовольствия

ИРИНА КОМАРОВА

УМЕРЕТЬ НА СЦЕНЕ

Опасные удовольствия

Ирина Комарова

Умереть на сцене

«Центрполиграф»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Комарова И. М.

Умереть на сцене / И. М. Комарова — «Центрполиграф»,
2022 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-09818-4

«О, ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нем, если можете!...» — сказал классик. Очевидно, он имел в виду нечто романтическое и возвышенное, уместное в храме искусства... Хотя театр не только храм, в нем бурлят и низкие страсти: честолюбие, зависть, ревность к чужому таланту, жажда славы и материальных благ... Рита Рощина, сотрудница частного детективного агентства «Шиповник», получила задание — расследовать анонимные звонки с грязными оскорблениями, поступающими главному режиссеру областного театра драмы, который не подозревает никого из сотрудников театра — подлость среди служителей муз, по его мнению, немыслима! В первый же визит в театр под видом журналистки Рита становится свидетельницей того, что «умереть на сцене» — не всегда просто фигура речи...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09818-4

© Комарова И. М., 2022
© Центрполиграф, 2022

Ирина Комарова

Умереть на сцене

© Комарова И.М., 2022

© «Центрполиграф», 2022

* * *

Я всегда была милой послушной девочкой, и даже в трудно-подростковом возрасте ни у меня с родителями, ни у родителей со мной не было особых проблем. Зато сейчас... А мне ведь давно не пятнадцать лет и даже не двадцать пять!

Несколько дней назад Витька Кириллов уехал в одну из своих загадочных командировок, и когда он вернется, неизвестно. Может, через пару дней, может, через пару недель, а может, и через пару месяцев. И эта неопределенность здорово действует на нервы. А мама, как нарочно, решила воспользоваться его отсутствием для ведения душевноразговорных бесед.

Даже интересно, почему так получилось: Гошку, моего напарника и наставника в нелегком труде частного детектива, вся семья приняла сразу и безоговорочно. И мама, и папа, и Маринка были бы счастливы увидеть его своим мужем. Кириллов же не прошел даже предважительный кастинг. Да, я помню, мне он с первого взгляда тоже совсем не понравился, но я-то привела в дом не постороннего, хмуро-язвительного мужика, который смотрел на меня, как на какой-то уцененный товар! Витя давно перестал притворяться, что не испытывает ко мне никаких чувств, кроме обычного раздражения на дур-баб, и с моими родными держался вполне корректно. А что получил в ответ?

Пожалуй, только Борис, муж Маринки, смотрел на него с интересом и пытался завязать разговор. Остальные же развернулись по полной программе. Настороженное молчание папы, натуажное гостеприимство мамы или изысканное хамство моей младшей сестрицы – не знаю, что выглядело хуже. И почему, спрашивается? Конечно, в отличие от Гошки, на жизнерадостную дружелюбную болтовню Витьки не способен, он вообще не склонен к ничему не значащим улыбкам и пустым разговорам. И хотя бы поэтому папе с мамой должен был понравиться выбор старшей дочери – серьезный молодой человек... хм, здесь надо было бы продолжить: с серьезной профессией и серьезными намерениями, но увы!

Мои родители – педагоги с почти шестидесятилетним стажем на двоих, и серьезная профессия, с их точки зрения, может быть только одна – учитель. Допускаются к рассмотрению врачи, инженеры, научные работники, и... и все. Витькина же служба с загадочной формулировкой «это немного связано с безопасностью» вызвала у папы с мамой только опасения и, надо признать, вполне разумные. Что же касается намерений... Мы любим друг друга, мы нужны друг другу, мы вместе – что может быть серьезнее? А то, что мы не заводим разговоров о свадьбе, это вообще никого не касается! В конце концов, Маринка прекрасно жила со своим Борисом почти год до того, как они поженились, и родителей это совершенно не волновало!

Ладно, пусть мой парень им не понравился, не понравился от слова «совсем», абсолютно – они взрослые люди и имеют право на собственное мнение. Но я тоже давно совершеннолетняя и тоже имею некоторые права. Например, право самой выбрать человека, с которым я хочу прожить всю жизнь, выбрать, не оглядываясь на предпочтения моей семьи! И разговоры, которые начинает мама, как только я попадаю ей в руки, разговоры, которые всегда начинаются словами: «Риточка, я все понимаю, но твой Витя...» не вызывают у меня ничего, кроме обиды и раздражения.

В общем, вы понимаете, почему сегодня я сбежала в офис, даже не позавтракав.

* * *

Поскольку я явилась на работу раньше всех, да еще голодная, то первым делом заварила чай и соорудила себе пару бутербродов. К тому времени, как в приемную впорхнула раскрасневшаяся от мороза Ниночка, жизнь уже казалась мне вполне приемлемой.

– Ты чайник согрела! – обрадовалась она. – Здорово! А чего так рано пришла?

– А, – махнула я рукой, – достали родные и близкие. Почему-то мама считает, что, если она каждое утро будет начинать с воспитательной беседы, я проникнусь, соглашусь с ее доводами, сбегу от Витьки и выберу себе правильного мужа из числа еще неженатых сыновей ее подруг. – Я печально посмотрела на недоеденный бутерброд и повторила: – Достали.

– Сочувствую. – Ниночка налила себе чаю, села за стол и включила компьютер. – Родители, они, конечно, не самые глупые люди, и слушать их надо, но иногда они совершенно непрошибаемы... в любом случае всегда решать надо самой.

– Да все уже решено, – тоскливо отозвалась я, – просто мне неприятно. Неужели так сложно принять мой выбор? Это же мои родители, самые близкие люди! Почему они меня не понимают?

Нина засмеялась:

– Тебе с моей Ленкой надо поговорить, она тоже жалуется, что я ее не понимаю!

Поскольку срочной работы у меня не было, я подсела к Ниночке, помочь с разбором почты и прочими бумагами. Вскоре пришел шеф, а еще минут через десять – непривычно хмурый Гоша. Странно, у него что, тоже дома какие-то разборки?

Дурное настроение у моего напарника случается очень редко, за все время, что мы работаем вместе, на пальцах одной руки посчитать можно. Тем не менее я знаю, что нет никакого смысла задавать ему вопросы, выясняя, что, собственно, случилось. В лучшем случае он окинет меня презрительным взглядом и молча отвернется, в худшем – откровенно нахамит. Увы, у моего напарника миллион достоинств, но назвать его джентльменом можно лишь с большой натяжкой. Поэтому мы с Ниночкой посмотрели на Гошку, молча переглянулись и продолжили заниматься своим делом.

Гошка, пугая нас недовольной физиономией, побродил по приемной, подошел к окну, постоял немного, разглядывая безлюдную улицу, и стукнул кулаком по подоконнику. Включил чайник, потом подошел к шкафу, в который мы вешаем верхнюю одежду, открыл дверцу и некоторое время изучал его небогатое содержимое. Снял собственную куртку и тоже пристроил на плечики. Оглянулся на закипевший чайник и спросил в пространство:

– Шеф здесь?

Мы с Ниной снова переглянулись. Поскольку Гоша только что видел в шкафу куртку упомянутого шефа, вопрос прозвучал по меньшей мере странно. Тем не менее Нина ответила, коротко и нейтрально:

– У себя.

Гоша подошел к кабинету Барина, приоткрыл дверь и оглянулся на нас:

– Ну что, пошли, что ли?

После чего сделал шаг через порог.

– Что это с ним? – спросила Ниночка.

Я только руками развела:

– Может, дома что случилось?

Гошка снова показался в дверях:

– Девчонки, кому сидите? Между прочим, только вас ждем!

Я торопливо вскочила и легкой рысью рванула в кабинет шефа – судя по всему, именно там сейчас будет раскрыта тайна странного Гошкиного поведения. Ниночка двинулась за мной

без лишней спешки, но и не задерживаясь, ей тоже было интересно. Она привычно остановилась на пороге, прислонившись к косяку и легко постукивая карандашом по большому зеленому блокноту. Я же прошла в кабинет и устроилась на стуле. Гошка сел рядом, потом вскочил, потоптался на месте и махнул рукой.

– В общем, такая история получается... – Он обвел нас хмурым взглядом и замолчал.

– У девочек после такого многообещающего начала обычно следует: «Мама, я беременна», – задумчиво сообщила Нина.

Я нервно хихикнула, шеф поморщился, а Гоша неожиданно улыбнулся:

– Спасибо, Ниночка. Нет, все не так плохо, просто... просто у нас тут, похоже, клиент образовался... родители просили, убедительно так...

– Гоша, я правильно понимаю, ничего страшного не случилось? – негромко уточнил Баринов.

– Страшного? – Гоша удивился. – Нет, конечно. Просто неудобно как-то получается. Некрасиво. Я попробовал им объяснить, родителям в смысле, а в результате только... – Он снова махнул рукой. – Мама обиделась.

– Твоя мама хотела нас нанять? – попробовала угадать Ниночка.

– Нет, зачем ей?... Давайте я вам все толком расскажу?

– Докладывай, – коротко откликнулся Баринов.

– В общем, это режиссер нашего драмтеатра... человек старой закалки! Не может поверить, что деловые вопросы можно решать прямыми переговорами, а не через заднее крыльцо. Вместо того чтобы нормально обратиться сразу к нам, вышел на отца, тот с матерью поговорил, а потом они, уже вдвоем, за меня взялись...

– Гош, ну решил человек подстраховаться. – Похоже, Ниночке надоели не слишком внятные Гошкины объяснения. – Или ты ему должен, что ли?

– Да я с ним не знаком даже! – почему-то обиделся он. – Это родители все... То есть они тоже ничего ему не должны, наоборот, он теперь им должен будет. Но они тоже старорежимные! Если такой приличный человек, тем более известный в театральных кругах, обратился за помощью, как можно отказать? Нужно приложить все силы, сплотиться, дружно решить все вопросы, а потом благородно сделать вид, что все это пустяки и ничего, собственно, и не было.

– А! – догадалась я. – Ты имеешь в виду, что нам придется работать бесплатно?

Вот теперь Гошкино растрепанное состояние было понятно. Особо тонкая душевная организация моего напарника совершенно не приемлет любые варианты отсутствия оплаты...

– Щас! – возмутился он. – Не дождутся! Я к театральному братству давно не принадлежу, а вы тем более! И пахать за спасибо... в конце концов, сам Рестаев не стесняется зарплату получать. А если матушка считает иначе, это ее личное дело. Я к высокому искусству равнодушен, а она может гримировать бесплатно хоть всю труппу в драмтеатре, вместе с администрацией!

– Гош, а что ты так разнервничался? – мирно уточнил шеф. – Попросили тебя родители провести предварительную подготовку перед визитом их начальника...

– Да он им даже не начальник! Они в оперном работают, а это драма!

– Хорошо, перед визитом собрата по благородному театральному искусству, – согласился Баринов. – Ты их просьбу выполнил, мы готовы. А если господин Рестаев рассчитывает, что мы возьмемся решать его проблемы бесплатно, это его сложности. Тебе-то что переживать?

– Сам не знаю. – Напарник громко выдохнул и потер ладонями щеки. – Матушка с утра завела... я с ней давно уже не ссорился.

Я сочувственно покивала, а Ниночка предпочла задать вопрос по делу:

– Как у этого Рестаева с платежеспособностью? И вообще с порядочностью? Кинуть нас он не попробует?

– Да нет вроде, ничего такого... – Как только речь зашла о деле, Гоша успокоился. – Денег его я, конечно, не считал, но не думаю, что он бедствует. И в смысле порядочности тоже,

ничего плохого я не слышал. Правда, женился он несколько лет назад со скандалом... вернее, женился он нормально, разводился со скандалом.

– То есть сейчас у него вторая жена?

– Третья. Нынешняя прима, Галина Кострова. Но вся эта история лет пять назад была, да и скандалила бывшая жена, а сам Рестаев держался вполне достойно.

– Но зачем мы Рестаеву понадобились, ты сказать не можешь? – уточнила Ниночка. Дождалась Гошиного утвердительного кивка, закрыла блокнот и отлепилась от косяка. – Пойду пошустрю в Интернете. Может, нарою что.

– Скорее всего, он в четвертый раз жениться собрался, – предположила я. – И ищет компромат на теперешнюю жену.

– Насколько мне известно, – возразил Гоша, – компромат на Кострову искать не надо. Она сама его подбрасывает, и с большим удовольствием.

– Может, у него что-то украли, и он хочет найти вора, не поднимая шума?

– Бессмысленный разговор, – прервал нашу игру в угадайку Баринов. – Придет к нам господин Рестаев и сам расскажет, что ему нужно. У вас есть чем пока заняться?

– А как же! – хищно улыбнулся напарник. – Рита, пойдем пошепчемся.

Я обреченно вздохнула и поднялась. Знаю я, что означает Гошкино «пошепчемся» и в чем оно выражается. Так что, едва пройдя в дверь, которую напарник галантно передо мной придержал, я сразу отскочила в сторону и сумела увернуться от здоровенного кулака. Автоматически ударила локтем, поднырнула под занесенную руку и тут же полетела вверх тормашками. Одна радость – успела сделать очень удачную подсечку, и на пол в приемной мы рухнули уже вместе.

– Не здесь! – грозно прикрикнула Ниночка. – Катитесь к себе!

Мы послушно покатались. Едва не застряли в узковатых дверях, уронили стул, опрокинули корзинку для бумаг... В общем, следующий час прошел очень насыщенно – когда Гоша начинает тренировку, он в половину силы не работает. Я уже еле дышала и готова была просить у неутомимого напарника хотя бы короткую передышку, когда Ниночка позвала нас:

– Ребята, отвлекитесь ненадолго.

– Хочешь порадовать нас историей жизни главного режиссера драмтеатра? – Гошка встал и потянулся.

Я попросила:

– Подожди минуточку, только в себя приду.

– Причешись. – Нина пропустила Гошку и бросила на меня сочувственный взгляд. – И умойся, что ли.

Естественно, задерживаться я не стала – уже через пару минут, причесанная и умытая, сидела в кабинете шефа и вместе с мужчинами внимательно слушала Ниночку.

– Итак, Андрей Борисович Рестаев. Шестьдесят четыре года, родился в Ростове, после школы поступил в ГИТИС. Во время учебы не выделялся: в гениях не ходил, но и отстающим не числился, был крепким середняком. После окончания работал в провинции – начинал с маленьких театриков, чуть ли не с самодеятельности, постепенно рос, продвинулся, прошел Пензу, Астрахань, Новосибирск и уже почти пятнадцать лет работает у нас в драмтеатре. Репутация хорошая, по-прежнему не гений, но народ на его спектакли с удовольствием ходит. Не новатор, ставит либо классику, либо добротные кассовые комедии, на его спектакли можно без опаски идти, ни мата, ни голых баб там не будет. Труппу держит крепко, но диктатором его тоже нельзя назвать. Сказать, что особенно любят, нельзя, но в целом уважают. Имеет репутацию человека порядочного. В Астрахани была у него какая-то темная история с финансами, даже уголовное дело заводили, но Рестаев в результате проходил только свидетелем. С тех пор он занимается исключительно творчеством, как художественный руководитель, а для решения всех технических и финансовых вопросов есть директор театра. С директором работают в

плотной связке, поддерживают друг друга. С министерством культуры и прочим начальством тоже отношения хорошие, не дружеские, но доброжелательно-деловые. Театр получает господации и честно их отрабатывает. Активно участвует в губернской жизни, на все праздники обязательно или концерт, или театрализованное представление. В общем, уважаемый человек. Что еще про него? Женат, как Гоша уже говорил, третьим браком, на актрисе Галине Костровой.

– Насчет браков поподробнее можно? – попросил Баринов.

– А как же! – Нина перелистнула страничку в блокноте и продолжила: – Андрей Борисович с первой женой прожил двадцать шесть лет, дети там, все нормально было, а потом кризис среднего возраста. Вот у мужика крышу и снесло. Актрисы же вокруг, а среди них попадаются такие, которые умеют не только творческие цели перед собой ставить. Одна дамочка и решила, что если она женой главного режиссера станет, то автоматически все роли ее. В общем, не особенно ошиблась, пока была женой, он действительно много на нее ставил. И актриска была не совсем бездарная, но главные роли откровенно не тянула. А Рестаев по-настоящему серьезный режиссер. Если бы она ему дома борщ варила, может, любовь и продержалась бы подольше, но, когда он видел, во что она превращает результаты его творческих исканий, изображая, к примеру, Дездемону... все чувства очень быстро усохли. А тут еще в нашем драмтеатре новая актриса появилась, Галина Кострова. Решительная, амбициозная и, ничего не скажешь, талантливая. Режиссер на раз спекся. Разводиться ему было не впервой, он думал, что все, как и в прошлый раз, пройдет тихо и быстро. Ага, только не учел, что вторая жена от первой сильно отличалась, и в смысле характера, и в смысле запросов. Получилось все довольно шумно и некрасиво, но больше с ее стороны. Сам Рестаев держался если и не безупречно, то вполне достойно. Сплетен, конечно, много было, но сейчас все уже забываться начало, больше пяти лет прошло.

– А с Костровой он разводиться не собирается? – Я вспомнила первую пришедшую мне в голову версию. – Может, у них в театре новая звезда появилась? Молодая и амбициозная?

– Нет, ничего такого не слышно. – Ниночка перелистнула еще одну страницу. – Брак крепкий, хотя, по общему мнению, Рестаев исполняет обязанности мужа лучше, чем Кострова обязанности жены.

– В каком смысле? – немного удивился шеф.

Я тоже посмотрела на Нину вопросительно. Это про так называемый «супружеский долг»? Но там как бы оба участвуют одновременно? Какое может быть лучше-хуже? Да и обсуждать это как-то... по меньшей мере странно.

– Андрей Борисович обеспечивает жену, она имеет статус первой леди драмтеатра, и на нее ставятся спектакли. Кострова же не считает нужным относиться к мужу с подобающим уважением и создавать семейный уют, – сухо пояснил Гошка. – Речь вовсе не о том, о чем ты подумала.

Я покраснела, а Ниночка, сделав вид, что ничего не слышала, продолжила:

– Что еще? Залеченная язва желудка, по актеркам не ходок, женам, ни одной, не изменял, роли народ получает только по соответствию «режиссерской задумке», и никак иначе. Сам на сцену не выходит играть принципиально, поскольку не считает возможным отбирать хлеб у актеров. Сейчас готовит премьеру «Горе от ума», в роли Софьи, разумеется, Кострова. В политику не лезет, с сильными мира сего дружить не пытается, с криминалом тоже не связан. Недоразумений с законом, кроме той астраханской истории, тоже не было. В милицию ни в последнее время, ни раньше не обращался, никаких сплетен, указывающих на то, что у него случилось, тоже не ходит.

– Хм. Гоша, у тебя есть что добавить?

– По делу – ничего. А так, в порядке болтовни... не сейчас. Сначала вы сами на него посмотрите. И зачем мы Рестаеву вдруг понадобились, я тоже...

Зазвонил телефон, и Ниночка метнулась в приемную.

– Детективное агентство «Шиповник», чем мы можем вам помочь? Да. Да, конечно. Разумеется. Очень хорошо, ждем.

Она вернулась к нам и улыбнулась:

– Зачем мы господину Рестаеву понадобились, я сказать не могу, но через час он будет здесь и сам ответит на этот вопрос.

* * *

Андрей Борисович Рестаев, главный режиссер областного театра драмы, меня разочаровал. В кабинете шефа сидел невысокого роста худой человек, с заметной сединой в негустых растрепанных волосах и с самым заурядным лицом. Кроме того, Андрей Борисович явно нервничал, и это не добавляло ему шарма. А вот то, что он встал, как только я вошла в кабинет и поздоровалась, мне понравилось – люблю воспитанных людей.

– Это сотрудники, которые будут непосредственно заниматься вашим делом. Рита, – шеф сделал паузу, во время которой мы с клиентом обменялись формальным «очень приятно», – а с Гошей вы, кажется, знакомы?

– Только с его батюшкой. Очень уважаемый человек и специалист великолепный! Наш администратор несколько раз приглашал его к нам перейти, но Александр Николаевич не согласился. Остался верен опере, так сказать... – Рестаев издал короткий неуверенный смешок.

Мы тоже вежливо заулыбались, правда, Гошина улыбка получилась довольно кислой.

– Итак, – перешел к делу шеф, когда все расселись, – в чем заключается ваша проблема, Андрей Борисович?

– Проблема... – Рестаев почесал затылок, окончательно растрепав прическу. – Да уж, проблема, действительно... Даже не знаю, как начать...

Мы терпеливо ждали. Шеф уверен, что торопиться в таких случаях нельзя: пока клиент не дозрел, от него все равно ничего толкового не услышишь.

– Очень уж история получается нелепая... да и неприглядная. Просто стыдно рассказывать. Понимаете, мне тут позвонили... Я как-то не ожидал и даже не отреагировал сразу... просто растерялся и слов не нашел. А потом еще раз позвонили. Не сразу, на следующий день. И я, конечно, уже не стерпел, потребовал, чтобы это безобразие немедленно прекратили! Вы меня понимаете?

– Общий смысл ясен, – кивнул Баринов. – Но хотелось бы подробнее. Кто именно позвонил?

– Так в этом и все дело, – обиженно воскликнул Андрей Борисович. – Я за этим к вам и пришел! Чтобы вы выяснили, кто это мне звонит!

– А, вот в чем дело! То есть вам дважды звонил некто неизвестный...

– Не два! Шесть! Шесть раз звонил этот... эта... это подлое существо! И каждый раз – просто поток грязи! Оскорбления, гадкие намеки, отвратительные обвинения... и обо мне, и о моей супруге, совершенно ужасные вещи! Как только язык у людей поворачивается!

– То есть содержание... кхм... разговора вас огорчило?

– Огорчило? Да я был шокирован! Возмущен! Оскорблен!

– Понятно. И что вы предприняли?

– Ну, в первый раз, я же говорю, я был не готов, растерялся, так что просто положил трубку. Второй раз, честно говоря, тоже. Понимаете, как-то не думал, что этот неприятный инцидент может повториться. Но уж когда в третий раз... боюсь, я немного потерял над собой контроль. Но ведь и ситуация... в общем, я позволил себе высказать все! Да, я прямо так и сказал: «Как вам не стыдно! Какое вы имеете право говорить подобные гадости? Зачем вы это делаете?!»

Боюсь, что я не смогла сдержать улыбки – гневная отповедь в исполнении главного режиссера областного драматического театра выглядела если не откровенно жалко, то весьма беспомощно. Напарник же только закатил глаза к небу, дескать, вот они, интеллигентные люди, обычному хаму дать отпор не могут! Только Александр Сергеевич даже бровью не повел – нам у любимого шефа еще учиться и учиться!

– И что же вам ответили? – спросил он невозмутимо.

– А что он мог ответить? Или она... Голос совершенно невнятный, невозможно понять, мужчина говорит или женщина. Я получил еще одну порцию совершенно оскорбительных высказываний. Таких людей словами не проймешь. Единственный способ – полное, абсолютное игнорирование. Но я же не могу совсем не брать трубку, мне и по делу звонить могут и вообще... Вот я и подумал, что нужно найти этого хулигана. Вы ведь сумеете это сделать?

– Думаю, это будет не особенно сложно, – подтвердил шеф. – Номер, с которого поступали эти звонки, у вас сохранился?

– Э-э? – Рестаев озадаченно посмотрел на него.

– Хотите сказать, вам звонили с разных номеров? – решил помочь Баринову Гошка.

– Да откуда же я знаю? – растерянно моргнул клиент. – Я для этого к вам и пришел, чтобы вы определили...

Мой любимый шеф и не менее любимый напарник переглянулись и требовательно установились на меня, намекая, что пришло мое время перехватить инициативу в разговоре. Они предпочитают иметь дело с клиентом адекватным, деловитым, быстро и четко отвечающим на вопросы, настроенным на работу.

А когда клиент начинает вот так «тормозить», вне зависимости от причины – это может быть и общая непривычка к логическим рассуждениям, и растерянность от неудобной ситуации, и даже банальная истерика, – в разговор вступаю я. Привести клиента в рабочее состояние – это входит в мои служебные обязанности, и педагогическое прошлое весьма в этом помогает.

Я деликатно кашлянула, привлекая внимание Рестаева:

– А вы дайте нам телефон, мы сами посмотрим и все определим.

Мой доброжелательный тон почему-то не понравился Андрею Борисовичу.

– Как я вам его дам? Я здесь, а телефон дома, – обиделся он.

– Я имею в виду сотовый, – немного растерялась я. – Вам ведь на сотовый звонили?

– Я не держу сотового, – еще более обиженно произнес он. – У меня нет времени постоянно отвечать на глупые звонки.

– А-а... а как же? Как же вам звонили?

Рестаев одарил меня таким взглядом, что не осталось сомнений – если здесь кто и «тормозит», то это я.

– Неужели непонятно? – с видом великомученика продолжил он. – Я принципиально не пользуюсь всеми этими новомодными гадостями, и мобильным телефоном в том числе. У меня есть домашний телефон, и этого вполне достаточно. Все, кто со мной общаются, знают, что примерно с двух до пяти я дома. Кто хочет со мной связаться, звонит в это время.

– А, значит, вам звонили на домашний телефон, – зачем-то уточнила я очевидное. И добавила: – Причем звонил человек, которому известны ваши привычки.

– Ему многое обо мне известно. – Теперь в голосе режиссера явственно слышалась горечь. – Судя по тому, что он говорит... или она? Хотя, наверное, все-таки мужчина, потому что выражения такие... не представляю, чтобы женщина позволяла себе такие вульгарные обороты.

– А на домашнем телефоне определителя номера, насколько я понял, у вас нет, – без особой надежды поинтересовался Александр Сергеевич.

– Я консерватор, – гордо откликнулся Андрей Борисович. – У меня аппарат старого образца, даже не кнопочный, а дисковый. Не думаю, чтобы к нему можно было подключить нечто подобное.

– Подключить-то, положим, можно... – пробормотал Гоша. – Но это половина дела.

– Почему? Ведь, если вы узнаете номер телефона, то сможете сказать, кто его владелец! Для вас это не сложно, правда? На самом деле у меня даже есть некоторые предположения: один господин, например, из министерства культуры... у нас с ним отношения не сложились. И еще с телевидения дама, абсолютно бесцеремонная особа. Хотя трудно себе представить, что даже они способны на такую гнусность.

– Скорее, это кто-то из более ближнего круга, – качнул головой шеф. – Из театра.

– Как это – из театра? – опешил Рестаев. – Да вы что? Да мы же... это ведь, как семья, как родственники близкие...

– Вот и я о том же, – скучным голосом подтвердил Баринов. – В семье ведь всякое случается. Кстати, никого из родных своих вы, как я понял, не подозреваете. Нет, я не говорю, что это кто-то из них, – перебил он собравшегося было возмутиться режиссера. – Но учитывать такую возможность надо. Так что подумайте, пожалуйста.

– Я отказываюсь даже обсуждать возможность того, что кто-то из близких мне людей может быть причастен к этому... к этой гадости!

– Хорошо, не будем это обсуждать, – мирно согласился шеф. – А театр? У вас ведь и труппа не маленькая, и технический персонал. Возможно, вы кого-то обидели? Так бывает, случайно, ничего плохого не желая, и даже сами этого не заметили. А человек затаил зло. Я никого не обвиняю, просто прошу подумать, вспомнить, может, кто-то ведет себя неестественно... Когда это началось, неделю назад? Вы говорили, что было шесть звонков.

– Нет, недели две уже прошло с первого звонка. Он не каждый день звонил, когда через день, когда через два... Но я не верю, не могу поверить, что это может быть кто-то из театра!

– Так я и не утверждаю ничего такого. Просто подумайте, может, чье-то поведение изменилось в последние две недели?

– В каком смысле изменилось? Как именно?

– Рита, объясни, – попросил шеф.

Все правильно, психологический ликбез – это тоже моя обязанность.

– Если человек, который достает вас звонками, работает в театре, он, соответственно, видит вас практически каждый день. А поскольку его методы иначе чем мелким пакостничеством назвать нельзя...

Рестаев, который до этого мгновения слушал меня очень внимательно, быстро закивал:

– Вот-вот, именно так, мелкое, гнусное пакостничество!

Я мило улыбнулась ему и продолжила:

– А это говорит о невысоком интеллектуальном уровне...

– Абсолютно! Я бы даже сказал, что ни о каком интеллектуальном уровне речи вообще не идет! За отсутствием интеллекта!

– Соответственно, человек, получающий удовольствие от подобного рода низкопробных шуток...

– Именно низкопробных, очень точное определение!

– Такой человек не сможет сдержать своих чувств. Не явно, не ярко, но все же... Он ведь ощущает себя победителем, значит, невольно будет смотреть на вас как минимум с чувством превосходства. Знаете, такая легкая усмешка на губах, презрительный прищур, чуть приподнятая бровь... вы понимаете, что я имею в виду?

– Да-да-да. – Брови самого Андрея Борисовича забавно зашевелились. – Интересная мысль. Пожалуй... – Он на мгновение задумался, потом тряхнул головой: – Я вас понял. Так

сразу я сказать не могу, надо будет присмотреться. Но мысль интересная. Хотя я все равно не верю... у нас чудесный коллектив, это же театр!

– Тем не менее... скажите, а звонят вам в какое-то определенное время?

– Да, после двух. Утром у меня репетиция, вечером спектакль, а в середине дня я дома, отдыхаю. Но не точно в одно и то же время. Иногда телефон звонит около трех, иногда ближе к четырем часам... Вчера без пятнадцати три было.

– Понятно. – Шеф посмотрел на часы. – Что ж, я думаю, что отыскать вашего хулигана будет не особенно сложно. А в дальнейшем планы у вас какие? Будете в суд подавать?

– В суд? А разве можно? В смысле, за вот такое телефонное хамство можно и в суд?

– Можно, почему нет. Конечно, это не уголовное преступление, но административный штраф и некоторая сумма за моральный ущерб вполне реальны. От адвоката, конечно, зависит. Есть у вас к кому обратиться?

– Да, конечно. Среди адвокатов, тоже, знаете ли, театралы встречаются. Я посоветуюсь, спасибо за идею. Действительно, не физиономию же ему бить, этому хулигану. Суд – это самое разумное, вы правы!

– Тогда давайте поступим так: прежде всего, выясним, с какого телефона вам звонят. – Шеф повернул голову в сторону открытой двери и, не повышая голоса, позвал: – Нина!

– Да, сейчас, одну минуту, – откликнулась Ниночка.

Почти сразу зажуужал принтер, скрипнул отодвигаемый стул, и процокали каблучки. Ниночка вошла в кабинет и положила на стол Баринова лист бумаги с двумя короткими столбиками цифр: дата и номер телефона. Даты были разные, а номер телефона один и тот же.

– Это не сотовый, – голос у Нины почему-то звучал виновато, – это номер стационарного рабочего телефона главного режиссера драмтеатра.

– Что? – Рестаев схватил листок, всмотрелся, потряс головой, словно в недоумении, снял очки и снова поднес список к глазам, потом вернул очки на место и растерянно всплеснул руками: – Но как же?! Это же невозможно! Понимаете, этого просто не может быть! – Он растерянно смял листок в руках. – Этот телефон стоит в моем кабинете. То есть что же получается? Я ухожу домой, а кто-то заходит в мой кабинет и с моего телефона звонит мне... не знаю... не представляю... это уже какой-то запредельный цинизм!

Я, честно говоря, смотрела на режиссера с некоторым удивлением. Такая наивность у взрослого человека показалась мне странной и неестественной.

– А кто имеет возможность зайти в кабинет в ваше отсутствие?

– Да никто не может, зачем кому-то заходить, когда меня нет?

– Но ключ от кабинета у кого-нибудь есть, кроме вас?

– Ключ? Зачем ключ, я кабинет не запираю.

– В каком смысле «не запираете»? Что, даже на ночь?

– А зачем запирасть? Это же театр, посторонние у нас не ходят, за этим вахтер следит... Вот на вахте, там все ключи есть, и от моего кабинета тоже.

– Минуточку, кажется, я не совсем понял, – опешил Баринов. – То есть к вам в кабинет в ваше отсутствие может войти любой сотрудник театра? От артиста до театрального сантехника?

– Да зачем артисту заходить, если меня там нет? И тем более сантехнику? С сантехниками я вообще никак не пересекаюсь, с ними все вопросы начальник хозяйственной части решает.

Мы с Гошкой переглянулись, а Александр Сергеевич покачал головой:

– Понятно. Доверие к коллективу, конечно, дело хорошее, но в данном случае... Смотрите, как неприятно получается: или в театр, с завидной регулярностью, проникает некто посторонний...

– Это невозможно! – горячо заверил Рестаев. – У нас на вахте работают исключительно добросовестные люди! Они комара постороннего не пропустят.

Я бы не удержалась и поинтересовалась, имеются ли в театре собственные, местные комары, и как именно на вахте их отличают от комаров посторонних, но шеф человек старой закалки, на мелочи отвлекаться не привык.

– Заходит в ваш кабинет...

– Совершенно невозможно!

– Или, воспользовавшись вашим отсутствием, в кабинет заходит кто-то из сотрудников...

– Абсолютно невозможно!

– И осуществляет хулиганский звонок посредством вашего же телефона, – изящно закруглил шеф.

Я ждала очередного протестующего выкрика, но режиссер почему-то промолчал.

– Если вы передумали и не хотите, чтобы мы продолжили искать этого телефонного хулигана, мы не настаиваем, воля ваша. Мы уважаем ваши чувства и даже не потребуем денег за уже проделанную работу. – Шеф указал на бумагу, которую режиссер все еще нервно сжимал в руке.

– Но он же... он же не перестанет звонить? Как вы считаете?

– Не знаю. Есть, конечно, шанс, что эта забава ему уже надоела или надоест в самое ближайшее время.

– Это возможно, вы правы... Но тогда... Получается, что я так и не узнаю, кто этот негодяй? Мне ведь с этими людьми работать, и что? До конца жизни буду сомневаться в каждом? – Он встал, прошелся по кабинету, потом резко обернулся к Баринovu: – А вы действительно так можете? Телефон поставить на прослушку, так это, кажется, называется?

– Можем, но зачем? Номер телефона, с которого звонят, мы уже определили, голос вы все равно узнать не можете... Если на то пошло, логичнее поставить камеру в вашем кабинете, а потом просмотреть запись.

– Ну конечно же! Конечно, это же самое простое решение! Камеру в кабинет, и уже завтра я буду знать... это же не сложно? У вас ведь есть камера? А когда вы сможете ее поставить?

– Да хоть сейчас. Гоша?

– Может, лучше Рита? Меня в театре могут узнать, Андрей Борисович, как я понял, не хочет афишировать...

– Да-да, совершенно не хочу! Конечно, Георгий Александрович, я вас всегда рад видеть, но ведь надо будет как-то объяснить... А Рита, наверное, сможет прийти ко мне в качестве... ну, например...

– В качестве журналистки, – подсказал шеф. – Рита, что скажешь?

– Самый удобный вариант, – согласилась я и объяснила Рестаеву: – Я внештатный корреспондент газеты «Вечерний бульвар».

– Прекрасно! Только давайте не сегодня, сегодня у нас с Феликсом... Феликс Семенович, директор наш, и мы с ним сегодня с министром культуры встречаемся. Феликс будет деньги кланчить, – Андрей Борисович криво улыбнулся, – а я группа поддержки. Так что давайте договоримся на завтра, приходите часов в десять в театр. Мы сейчас репетируем «Горе от ума», сделаете вид, что хотите взять у меня интервью! Вы ведь сумеете сделать вид, что вам интересно?

– Мне даже вид делать не придется, – заверила я.

– Вот и прекрасно, вот и договорились!

– Тогда сейчас подпишем договор...

Мы с Гошей дисциплинированно поднялись и вышли из кабинета. Договор «наше все» всегда подписывает один на один с клиентом.

– Пять минут, не больше, – предположила я. – Прочтет договор и без лишних вопросов подпишет.

– Две, – возразила Нина. – Там текста одна страничка, и вряд ли он будет так уж внимательно вчитываться. Проглядит и подпишет.

– Тридцать секунд, – сказал свое веское слово Гоша. – А то и меньше. Он вообще не станет читать, подмахнет не глядя. Не может же он оскорбить порядочных людей недоверием.

– Ты действительно считаешь, что... – Я не договорила, потому что дверь кабинета открылась, и вышел Рестаев.

– Всего хорошего, – вежливо поклонился он.

– Всего хорошего, – нестройным хором ответили мы.

– Жду вас завтра утром. – Теперь Рестаев обратился персонально ко мне. – Я предупрежу вахтера.

– Я буду вовремя. – Легкий книксен, который я автоматически сделала, выглядел нелепо: джинсы не та одежда, которая уместна для реверанса, но Рестаеву, похоже, понравилось. Я дождалась, пока дверь за ним закроется, и только тогда обернулась к Гоше: – Станный человек. Он действительно такой?

– Какой – такой?

– Ну, такой... не от мира сего?

– Почему сразу «не от мира сего»? Просто у него свой взгляд на жизнь. – Напарник развернул меня в сторону кабинета шефа и легким шлепком придал «ускорение в заданном направлении».

Я послушно вернулась на мягкий стул справа от Александра Сергеевича. Гоша присел рядом, а Ниночка привычно встала в дверях, привалившись к косяку и постукивая карандашом по корешку блокнота.

Александр Сергеевич окинул нас взглядом и, так же привычно, спросил:

– Что скажете, молодежь?

Известно, что на военном совете первым положено высказываться младшему по званию. В агентстве «Шиповник» эта высокая честь принадлежит мне. Сегодня я начала с того, что повторила заданный Гоше вопрос в более развернутом виде:

– Рестаев действительно такой наивный? Искренне верит, что театр – это не «террариум единомышленников», а братство служителей муз? Что, если хаму сделать замечание, ему станет стыдно? И не читает договор, который подписывает, потому что неловко демонстрировать недоверие? Может, он и сдачу в магазине не пересчитывает?

– Никогда, – подтвердил Гоша. – Впрочем, если сдачу дают монетами, он их просто не берет. Порядочные люди мелочь не собирают.

– И договор он, действительно, подписал не читая, – заметил шеф. – А что тебе не нравится, Рита?

– Не то чтобы не нравится... просто странно. Я таких людей не встречала до сих пор, и у меня получается, что он или святой, или очень хорошо притворяется. А учитывая его профессию... значит, притворяется? Но зачем?

– Он не притворяется, Ритка, – покачал головой Гоша. – Он действительно такой. Поэтому и карьеру не сделал. Его ведь приглашали в свое время в Москву, пару спектаклей в столичных театрах он успел поставить, прежде чем тамошние тираннозавры его благополучно сожрали и косточки выплюнули. А у нас в театре директор его пригрел, сошлись они как-то, директор его оберегает, не пытается его иллюзии разрушить.

– Как же он не сел при таких взглядах? – удивился шеф.

– Так он тогда, в Астрахани, почти сел. Просто лихие люди неаккуратно сработали, решили, что ради этого лоха не стоит стараться, а следовательно попался неглупый и принципиальный, разобрался. Зато у нас в театре у Рестаева даже права финансовой подписи нет. Директор его не подпускает ни к хозяйственным делам, ни к финансовым. Андрея Борисовича

это очень устраивает. Творческий человек должен творить, а презренный металл... этим пусть специально обученные люди занимаются.

* * *

На встречу с творческим человеком Андреем Борисовичем Рестаевым я собиралась на следующий день не особо старательно. Образом внештатной журналистки из «Вечернего бульвара» я пользовалась нечасто, тем не менее он был привычен и «обкатан». Джинсы, тонкий свитер, короткие сапожки на удобном низком каблучке, фальшивая сумка «Гуччи» на цепочке через плечо... некоторое время я посомневалась, как поступить с волосами: прикрыть рыжую шевелюру паричком или не стоит? Потом решила, что необходимости сильно менять внешность нет, и ограничилась тем, то собрала волосы в хвост, зачесала челку назад и закрепила невидимками, открыв лоб. Накрасилась аккуратно, без агрессии – высшее образование и хорошее воспитание барышни, которая через час предъявит вахтеру удостоверение корреспондента, не должны вызывать сомнений, а сама барышня – интереса.

Гоша внимательно осмотрел меня, в целом одобрил, поправил пару заколок и дозволил предстать перед шефом. Александр Сергеевич много времени не тратил, кивнул сразу:

– Приемлемо. Значит так: камеру установишь, сразу не уходи, потолкайся там среди народа. Сама разговоров не заводи и на глаза не лезь, но присмотришься, попробуй разобраться, кто чем дышит. Внимания к себе не привлекай и изображать ничего не пытайся, будь естественной, артисты игру моментально чувствуют. Сразу договорись с Рестаевым на завтра, в какое время придешь накопитель в камеру менять.

Я почтительно выслушала указания начальства и отправилась на задание. В театр.

* * *

Вахтерша сидела за двухтумбовым письменным столом, на столе лежала толстая разнованная книга учета.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась я. – Моя фамилия Рощина, Андрей Борисович должен был вас предупредить...

– Из газеты? – Она посмотрела на меня с любопытством. – Да, он говорил. Паспорт у вас с собой?

– Редакционное удостоверение. – Я предъявила корочки, и женщина, сверив фотографию, кивнула:

– «Вечерний бульвар» – хорошая газета. Я, конечно, постоянно ее не читаю, но когда попадается... Это вы хорошо придумали про наш театр написать. Мы ведь премьеру готовим, «Горе от ума». Очень интересный получается спектакль... Впрочем, что это я разболталась, задерживаю вас! Проходите, по лестнице на второй этаж и до конца коридора, по правой стороне смотрите, там на двери табличка, не ошибетесь. – За моей спиной хлопнула дверь, и вахтерша заулыбалась: – О, Феликс Семенович, здравствуйте!

– Добрый день, Елена Сергеевна, прекрасно выглядите, как всегда!

Я обернулась. Рядом со мной растегивал пальто представительный мужчина лет пятидесяти, с шикарной шевелюрой «перец с солью».

– Уж вы скажете. – Она слегка зарумянилась и, не вставая со стула, расправила плечи и втянула живот. – А вот, кстати, девушка к Андрею Борисовичу! Корреспондент из газеты, будет про «Горе от ума» писать!

– Прекрасная идея! Давайте я вас провожу. – Мужчина галантно предложил мне опереться на его локоть. – Такое юное очаровательное существо, а уже корреспондент, – окинул он меня одобрительным взглядом. – И в какой же газете вы трудитесь?

– Внештатный корреспондент, – уточнила я. – «Вечерний бульвар».

– Уважаемое издание. Я, как вы уже слышали, Феликс Семенович, директор театра.

– Очень приятно. Рита Рощина.

– И что же вы собираетесь писать, Рита Рощина? Короткую заметочку информационную или большую статью? А может, раз уж до нас добрались, целую серию статей? История, современность, лучшие спектакли прошлых лет, премьеры, интервью с ведущими артистами? У нас в театре много интересного.

Феликс Семенович говорил с завидным энтузиазмом, а я больше помалкивала, отделиваясь невнятными поощрительными звуками. Идея мне в целом понравилась, сама бы с удовольствием о нашем театре почитала, но целый цикл статей... боюсь, это не ко мне. Директор же, по-видимому, посчитал молчание знаком согласия и уже приглашал меня, после беседы с Рестаевым, к себе в кабинет, обещая показать интереснейшие материалы по истории театра.

– Вы же понимаете, чтобы написать по-настоящему хорошую статью, мало только с Андреем Борисовичем поговорить! Надо походить по театру, познакомиться с людьми, у нас прекрасный коллектив – и в творческом плане, и вообще... – Он неопределенно покрутил рукой.

А вот это предложение вполне соответствовало моим задачам – шеф ведь прямо приказал потолкаться среди народа и присмотреться, кто чем дышит. Поэтому я улыбнулась и совершенно искренне поблагодарила:

– Спасибо большое! И за идею спасибо, и за приглашение. Обязательно к вам загляну.

Мы остановились, и Феликс Семенович указал на приоткрытую дверь с ручкой в форме львиной головы с кольцом в зубах:

– Вот мы и пришли. – Он коротко стукнул костяшками пальцев по косяку и завел меня в кабинет. – Андрей, посмотри, кого я тебе привел!

Рестаев, который стоял у окна и смотрел на улицу, быстро обернулся.

– Рита! Здравствуйте! – Он взглянул на часы и слегка улыбнулся. – Вы вовремя. Проходите, присаживайтесь.

– Ну, мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Андрей, у тебя ко мне вопросы есть?

– Ничего срочного. После репетиции поговорим.

Я вежливо поблагодарила директора за помощь, он заверил меня, что никакого труда ему это не составило, подмигнул мне и удалился.

– Ох, Рита, вы себе просто не представляете, насколько это все... гадко. – Рестаев прижал ладони к груди. – Я всю ночь заснуть не мог, перебирал, вспоминал каждого. Как посмотрел, что сказал, как улыбнулся, как отвернулся... а это же все не чужие мне люди, и подозревать их, это так тяжело! Может, зря я всю эту охоту устроил? Может, плюнуть?

Он смотрел на меня с трогательной детской надеждой, словно я сейчас скажу какое-то волшебное слово, и исчезнет из его жизни портящий нервы хам, и не нужно будет никого подозревать, и снова вокруг будут только милейшие люди, собраты по благородному театральному искусству!

– Я вас понимаю, Андрей Борисович, – мягко начала я. – Если вы хотите немедленно все прекратить – никаких проблем. И никто никогда не узнает, что у вас вообще было намерение за кем-то следить и что-то выяснять. Но...

Я запнулась, желая получше сформулировать мысль, и Рестаев, все так же нервно потирая руки, продолжил вместо меня:

– Но вопрос останется. И я все равно не буду спать по ночам, перебирая одного за другим всех своих знакомых... Ладно, Рита, я вас понял. Где вы хотите поставить вашу камеру?

Прежде чем ответить, я сбросила куртку и прошла, осматривая стены кабинета. Странно, я думала, у главного режиссера театра он будет как-то поярче, попраздничнее, что ли, поэффектнее. Ну, вы меня понимаете: афиши, фотографии знаменитых режиссеров и актеров

с автографами, дипломы, призы, картины со сценами из спектаклей, макет зрительного зала... не о простом ведь офисе речь, не о скучной конторе какой-нибудь – о театре! А тут обычная комната, довольно просторная и мебелью не перегруженная. Разве что стульев много – вдоль стен выстроилось десятка два. А так, кроме дивана, двойная секция книжного шкафа, массивный письменный стол с удобным офисным креслом и, сбоку от стола, на стене, пара полок с сувенирами. На столе металлическая вазочка с ручками и карандашами, какие-то папки, бумаги и старомодный телефонный аппарат. Тот самый.

Найти для скрытой камеры подходящее место, как правило, непросто, и я этому долго училась. Проблема не в том, что она не должна бросаться в глаза – мы используем аппаратуру настолько миниатюрную, что замаскировать ее легче легкого. Но просчитать максимальный обзор помещения и минимальное количество «слепых зон» – это уже искусство. Впрочем, в этот раз задача упрощалась, под контроль нужно было взять конкретную, весьма ограниченную площадь – письменный стол Рестаева, на котором стоял телефон. Единственное условие – камера должна быть направлена так, чтобы было хорошо видно лицо человека, который к этому телефону подойдет и снимет трубку. Я внимательно осмотрела полку с сувенирами. Что ж, если прикрепить камеру вот здесь, между передними лапами странного вида фарфоровой собаки (мне тоже нравится гжель, но кому, интересно, пришла в голову идея сделать в этой технике фигурку французского бульдога?), то она будет направлена именно так, как нужно.

Я установила камеру, отрегулировала наклон, потом, не сводя глаз с крохотной черной пуговки, прошла от двери до стола и даже положила руку на трубку телефона. Да, все нормально.

Андрей Борисович все это время скромно сидел на диване, с интересом наблюдая за моими действиями, но с разговорами, указаниями и предложениями не лез. Просто идеальный клиент.

– Готово! – отряхнула я руки, не потому, что это требовалось, – здешняя уборщица трудилась на совесть, и пыли на полке не было. Скорее это был жест, означающий, что работа завершена. – Теперь будем ждать. Здесь датчик движения, так что работать она будет в экономичном режиме. Но если этот человек сегодня не позвонит, то завтра утром я подъеду, помня карту памяти.

– Хорошо, я понял, спасибо, – торопливо закивал Андрей Борисович. И смущенно добавил: – А скажите, Рита, может быть, можно сделать так, чтобы вы и сегодня... в смысле, как-то мне одному... как-то неприятно. Не могли бы вы...

– Подежурить вместе с вами у телефона? – Я не стала дожидаться, пока он сумеет сформулировать свою просьбу. – Если начальство позволит, почему нет? Хотите, чтобы я позвонила Александру Сергеевичу?

– Да, пожалуйста, – смущенно попросил он. – А если вы останетесь на репетицию, мы потом уже вместе, и ко мне...

Вообще-то в этот момент я должна была намекнуть, что сидеть с нервным клиентом у телефона – это услуга, не прописанная в договоре и, следовательно, неоплачиваемая, а мое время, извините, денег стоит. Но говорить этому наивно-милому человеку, что к счету, который ему предъявят по окончании работы, будет приплюсована некоторая сумма, было неловко. Да ладно, бог с ними, с деньгами! В конце концов, я ведь могу просто сходить к нему в гости в обеденный перерыв! И если так случайно совпадет, что именно в это время позвонит интересующий нас хам... эх, а ведь некоторые называют меня меркантильной особой!

Я связалась с офисом, доложила Баринovu о том, что камера установлена и готова к работе, после чего сменила деловой тон на просительный:

– Александр Сергеевич, а можно я задержусь немного в театре? – Мало ли что шеф уже дал мне на этот счет конкретные указания, Рестаев-то этого не знает. – Репетицию посмотрю, может, с людьми поговорю? Мне же еще заметку в газету писать – надо поднабрать материал.

– Рестаев сам предложил или просить пришлось? – поинтересовался Александр Сергеевич.

– Андрей Борисович был так любезен... – неопределенно ответила я. Упомянутый Андрей Борисович деликатно отошел, сел за стол и стал старательно делать вид, что углубился в изучение каких-то бумаг, совершенно не обращая внимания на мои переговоры с шефом. У моего телефона звук выставлен на минимум, и голос Барина он слышать не мог, но меня-то он слышал прекрасно! Поэтому я подбирала слова осторожно – клиенту незачем знать, о чем мы говорим. Впрочем, Барин меня прекрасно понял и одобрительно хмыкнул. После чего уточнил:

– Когда вернешься?

– Э-э-э... Андрей Борисович пригласил меня пообедать...

Рестаев поднял голову, уставился на меня округлившимися от удивления глазами, потом сообразил, в чем дело, и быстро закивал.

– Понятно. – Теперь вместо одобрения в голосе шефа звучало явное неудовольствие. – Покараулите вместе этого телефонного террориста, а если он позвонит, еще и камеру сразу вместе снимать вернетесь. Ох, Рощина, что же ты у нас такая любительница бесплатно работать?

Что тут можно ответить? Особенно если рядом находится человек, которого нежелательно посвящать в суть проходящих переговоров. Я издала неопределенное, но очень-очень виноватое мычание. А шеф продолжил:

– Ты, как я понимаю, человека уже обнадежила?

Я коротко угукнула.

– Ладно, можешь действовать. Но Гошу я попрошу прочитать тебе пару лекций на тему умения правильно выстраивать взаимоотношения с клиентом и насчет негативного влияния бесплатных услуг на имидж.

Ух, вот это я попала! Гоша свято уверен, что любая работа может быть выполнена или хорошо, или бесплатно, а даром, как говаривал небезызвестный Федор Иванович Шаляпин, «только птички поют». И лекции на эту тему старший напарник читает мне достаточно регулярно и достаточно эмоционально, каждый раз раскрывая тему по-новому, с новыми образами и привлечением новых примеров. К сожалению, как правило, этими примерами становятся ошибки его напарницы, то есть лично мои. Неизменным остается только одно: после каждой такой лекции я ощущаю себя наивной, бестолковой лохушкой, которая, мало того что позволяет разводиться на деньги себя, она и товарищей своих, братьев по разуму и по труду, оставляет без честно заработанной доли.

– Так может, я...

– Нет, Рощина, раз уж подписалась, выполняй. Тем более я предвидел такое развитие событий и внес этот пункт в договор, так что твоя работа будет оплачена.

– Сан Сергеевич! – Я так возмутилась, что едва не забыла о конспирации. – Так зачем же вы тогда... зачем Гоша?!

– Воспитательный момент, – бесстрастно ответил шеф. – Чтобы ты не расслаблялась. Все, Рита, хватит болтать, иди работай. И держи нас в курсе.

– Договорились? – нервно просил Рестаев, как только я опустила телефон.

– Да, Александр Сергеевич не возражает. Так что сегодня я в полном вашем распоряжении.

– Вот и прекрасно! – Он сразу оживился. – Вы когда-нибудь были на репетиции спектакля?

– Не приходилось.

– Значит, я вас приглашаю! – Он взглянул на часы. – Пойдемте, нам пора.

Мы вышли в коридор, и Рестаев действительно даже не подумал запереть кабинет. Да что там, он и дверь толком не закрыл! Удивительный человек. Нет, я понимаю, искусство, вдохновение, высокие стремления, полет фантазии и прочее, но должна же быть какая-то элементарная осторожность... мы же в реальном мире живем, с реальными людьми! Как можно быть настолько беспечным и доверчивым?

* * *

Увы, приходится признаться, что в театрах вообще, а в областном драматическом в особенности, я бываю нечасто. Даже самой странно, ведь совсем недавно, несколько лет назад, когда училась в пединституте, мы с девчонками ни одной премьеры не пропускали! А потом, как-то постепенно – то времени нет, то сил, то пойти не с кем... Большинство подружек после окончания разъехались, осталась одна Тамарка – а у нее семья, муж, дети, свекровь больная. Не до премьер. Тем не менее многих артистов я еще с тех, студенческих, лет хорошо помнила, и, когда мы вошли в зрительный зал, среди новых, незнакомых лиц сразу заметила Станислава Савицкого – народного артиста республики, немолодую женщину, имени которой я не знала, но она часто появлялась на сцене в маленьких ролях, маячила где-то на втором плане, и еще несколько человек. Мое внимание привлек один, стоящий несколько в стороне от остальных, привалившись спиной к стене. Лет семь назад он играл слугу в «Даме-невидимке» Кальдерона, совсем молоденьким мальчиком. Юный, кудрявый, бледный и худенький до того, что казался полупрозрачным, – ему больше подошла бы роль эльфа, а не плутоватого слуги. Впрочем, играл он неплохо, и я его запомнила. Теперь же от юного эльфа осталась лишь «аристократическая» бледность – мальчик превратился в невысокого, но крепкого молодого мужчину, все с такими же буйными кудрями.

К нам, точнее, к Рестаеву быстро подошел высокий сутулый парень в длинном, до середины бедра, мешковатом свитере и сразу начал жаловаться на какого-то Панкрата. Суть претензий я не уловила, поняла только, что этот Панкратов обещал что-то очень важное и нужное сделать и не сделал. Даже не начинал. Андрей Борисович страдальчески поморщился и повернулся ко мне:

– Знакомьтесь, Рита, это Женя, помреж. Самая главная фигура – решает все технические вопросы! Женечка, а это Рита, журналистка из «Вечернего бульвара», будет писать статью о нашем театре. Вы потом обязательно поговорите, Женя может много интересного рассказать!

– Очень приятно. – Я вежливо улыбнулась Жене, который довольно небрежно кивнул мне и продолжил жаловаться на нехорошего Панкрата. Впрочем, продолжалось это недолго – Андрей Борисович успокаивающе похлопал Женю по плечу, пробормотал: «Панкратов есть Панкратов, что с него возьмешь? Это наш крест...» и потянул меня к креслу, оборудованному лампой и откидным столиком.

– Давайте начинать, и так уже задержались. Женя, вызывай Стрелкова и Каретникова.

Женя тряхнул головой, сверкнул улыбкой (причем сверкнул в буквальном смысле – брекеты, закрепленные на верхних зубах, были украшены россыпью мелких прозрачных камешков), и умчался.

На сцену вышли двое мужчин: тот самый кудрявый и незнакомый мне высокий красавец-блондин. Рестаев отвернулся от меня, несколько раз хлопнул в ладоши и громко объявил:

– Олег, Алеша, начали!

Мужчины несинхронно кивнули, немного потоптались по сцене и на мгновение замерли. Потом кудрявый принял довольно агрессивную позу – легкий намек на боксерскую стойку, а на лице его, обращенном к партнеру, появилась раздраженно-презрительная мина.

– «Вот он на цыпочках и небогат словами;

Какою ворожкой умел к ней в сердце влезть!»

Ага, значит, мой кудрявый – это Чацкий. Хороший выбор. Молчалин, впрочем, тоже неплох. Я в школе, помню, все не могла понять: что Софья в нем нашла? Ладно бы еще, сидела она взаперти, других мужчин не видела... но она же бывала в обществе, в их доме гостей принимали – думаю, выбор был. А эта девица, притом что полной дурой она вовсе не выглядит, польстилась на жалкое ничтожество – нелепо же! А вот такой Молчалин – совсем другое дело! Когда подобный красавец постоянно на тебя нежные взгляды бросает, да вздыхает чувствительно, как девушке удержаться, как не влюбиться?

Я очень быстро поняла, что репетиция – занятие нервное, сумбурное и довольно скучное. Оказывается, почти ничего общего со спектаклем здесь нет, это всего лишь бледная заготовка. Вместо декораций – задник со схематично прорисованными окнами, да на сцене стоят обшарпанный стол и пара стульев; артисты – в обычной одежде, а не в соответствующих костюмах. Они неловко топчутся по сцене и, запинаясь, проговаривают невыученный еще текст, а режиссер постоянно прерывает их, то объясняя «подачу роли», то ругаясь с техническими работниками... Нет, в целом наблюдать за всем этим было довольно забавно, но я привыкла получать в театре удовольствие, а сейчас этого не было и в помине.

Право же, какое удовольствие можно получить от свары режиссера с осветителем, который направлял свои прожекторы, по мнению Андрея Борисовича, совершенно не туда. А едва Чацкий с Молчалиным продолжили, Рестаев снова вскинулся:

– Нет, Олег, нет! Я не вижу, что ты нервничаешь! Это Алеша спокоен, он на своей территории, у него все в порядке, ему не о чем волноваться! А ты только приехал, ничего не понимаешь, не можешь поверить, что девушка тебе не рада! Да еще Молчалин тут разгуливает! Ты его не хочешь видеть, он тебе противен, но ты не можешь упустить момент попробовать разобратся! Неужели это действительно соперник? Ты ни в чем не уверен, бесишься, язвись от беспомощности, уже не скрываешь, что считаешь его ничтожеством! Но не можешь пробиться через это любезное высокомерие и бесишься еще больше! Темперамент, Олег, темперамент!

А через несколько минут напустился уже на Молчалина:

– Алеша, мне от тебя не равнодушие нужно! Ты не дурак, ты прекрасно видишь, что Чацкий пытается тебя оскорбить, ты мог бы оскорбиться, но не считаешь нужным это делать. Он слишком мелкая фигура на твоей доске, понимаешь? И в партии, которую ты разыгрываешь, его можно не учитывать. Так, забавный человек, суетится что-то, руками машет... не понимает, что серьезные дела так не делаются. И почти ленивая мысль – потратить, что ли, пару минут, объяснить этому недоразумению кудрявому, как умные-то люди действуют... Понимаешь?

Хм, странно. Насколько я помню классическую трактовку этого произведения, Чацкий считается героем благородным и вызывающим уважение, а Молчалин – мелкий подонок и приспособленец. В той версии спектакля, которую я смотрела в свое время, эта сцена выглядела несколько иначе: Чацкий прямо-таки грохотал, изливая негодующее презрение, а Молчалин, ежась и подобострастно улыбаясь, неуверенно лепетал свои реплики, когда Чацкий-громовец великодушно делал паузу, позволяя и ему открыть рот. Именно так и было, я хорошо помню. Рестаев же добивается совсем другого результата – Чацкий, осыпавший колкостями снисходительно улыбающегося Молчалина, выглядит почти нелепо!

– Олег, не засиживайся на стуле! Вскочил, сделал шаг, схватился за спинку, переставил стул, снова вскочил... Алеша, а ты, наоборот, сложил руки на груди и наблюдаешь!

Короткой пятиминутной сценой они занимались почти час, и если вначале Рестаев еще косился в мою сторону, то, увлекшись, он очень быстро забыл о моем существовании.

А я все больше скучала. Повторять по тридцать раз на разные лады одну и ту же фразу, да еще выслушивать довольно язвительные комментарии Андрея Борисовича... бедные артисты. У нас, частных сыщиков, жизнь и приятнее, и интереснее!

Наконец Рестаев объявил короткий перерыв, предупредив:

– Уварова и Кострова, приготовьтесь!

Плеснул в одноразовый пластиковый стакан воды из литровой бутылки без этикетки, сделал пару глотков и вспомнил про меня:

– А вы пить хотите?

– Нет, спасибо, – отказалась я. В зале было совсем не жарко, и с артистами на сцене я битый час не перекивалась, так что пить действительно не хотела.

Он молча кивнул, допил воду, смял стаканчик и бросил его в стоящий на полу пакет. Я открыла было рот, чтобы продолжить светскую беседу, но Рестаев громко хлопнул в ладоши и крикнул:

– Галя, Александра! Продолжаем!

То есть что, попили водички и перерыв закончился? Суровые, однако, нравы в нашем драмтеатре!

На сцену вышла платиновая блондинка в голубом шерстяном платье, расшитом по вороту серебряной нитью, и голубых же, точно в цвет платья туфельках на невероятно высоком каблуке. Причем, надо отдать ей должное, двигалась она на этих ходулях легко и изящно. Следом за ней выкатилась слегка полноватая девушка: тоже блондинка, но чуть темнее, не такого эффектного оттенка. Платье на ней было попроще, и туфли, хотя и вполне приличные, выглядели скорее удобными, чем красивыми. Да, с первого взгляда понятно: Софья Фамусова и Лиза, барышня и служанка, не перепутаешь. Но, как ни странно, рядом с холеной красавицей Софьей незатейливая Лиза, которую можно было назвать не более чем симпатичной, совершенно не терялась. Ее очень красила жизнерадостная улыбка на круглом лице, и вся девушка была такая сдобная, такая аппетитная...

– Давайте первый акт, пятое явление! – скомандовал Рестаев. – Александра, начинай: «Ну вот у праздника!»

Актриса кивнула режиссеру и отступила на пару шагов в глубину сцены. Повернулась к Софье... и руками всплеснула уже Лиза.

– Ну вот у праздника! – зазвенел ее голос. – Ну вот вам и потеха!

Распекая барышню, девушка все время что-то делала: то поправляла Софье воротничок, то переставляла стул, то перекладывала книжку... двигалась она легко, красиво, и наблюдать за ней было одно удовольствие.

Софья вяло отмахивалась от трескотни служанки, смотрела задумчиво в нарисованное окно и отвечала очень тихо, так что я едва могла расслышать.

– Галя, что такое? – недовольно повысил голос Рестаев. – Тебя уже в третьем ряду не слышно!

– В горле пересохло, – мило улыбнулась артистка. Повернулась направо и попросила: – Алеша, дай воды.

Из-за кулисы выскочил Молчалин с маленькой бутылочкой «Перье» и стаканом. Ловко, словно официант с многолетним стажем, открыл бутылочку, наполнил стакан на две трети и с легким поклоном протянул вперед. Выглядело это словно продолжение сцены из спектакля: именно так Молчалин подал бы стакан воды Софье.

Почему-то только теперь я сообразила, что Софью играет жена Рестаева. Ну что ж, эффектная женщина, понятно, почему он ради нее со второй женой развелся. Хотя, с моей точки зрения, иметь женой ту же Лизу было бы гораздо приятнее. Она выглядит как-то... теплее, что ли. И веселее, да и сексуальнее, если на то пошло! Но это с моей точки зрения, а я не мужчина, у них головы как-то по-другому устроены.

Кострова жадно, в два глотка осушила стакан и весело объявила:

– Теперь гораздо лучше. Алеша, оставь пока бутылку здесь.

Молчалин послушно выставил бутылочку и стакан на стол и молча скрылся за кулисами.

Прошло еще полчаса... актрисы перебрасывались репликами, и, должна сказать, мне снова стало интересно. Обе девушки были превосходны – жизнерадостная хлопотливая слу-

жанка и изнеженная барынька, позволяющая этой служанке высказывать свое мнение и даже слегка поругивать, поскольку она барынька добрая и даже просвещенная...

В какой-то момент Софья сделала шаг, ойкнула, оступившись, – еще бы, на таких-то каблуках – подняла голову и спросила громко:

– Что случилось? Почему свет выключили?

– Что значит «выключили»? – растерялся Рестаев. – Галя, ты о чем?

– Темно, – четко выговорила она и упала. Не опустилась на пол, как можно было от нее ожидать, медленно и грациозно, а именно упала. Рухнула, как подрубленная, глухо стукнувшись головой о сцену, и замерла неподвижно, в нелепой и некрасивой позе.

Все, что произошло дальше, было очень быстро, шумно и суетливо. Лиза взвизгнула и мячиком отпрыгнула в сторону. Молчалин, который так и продолжал все это время маячить рядом с правой кулисой, ахнул и бросился к женщине, подsunул ладонь ей под голову:

– Галя!

– Галя! – рядом со мной вскочил Рестаев. – Что с ней?

Я ничего кричать не стала, просто встала и заторопилась на сцену, на ходу доставая телефон. Впрочем, оказалась я там далеко не первой. Наблюдая за репетицией, не обращала внимания, сколько народу было в зале и, так сказать, в окрестностях. И сейчас все они рванули на сцену, правда, совершенно непонятно зачем – ничего толкового все равно никто не делал. Люди ахали, ужасались, заламывали руки... и над всем этим гвалтом звенел отчаянный, повторяющийся крик Молчалина: «Галя! Галя! Галя!»... Когда я уже поднималась по ведущим на сцену ступенькам, какая-то здравомыслящая женщина попробовала оттеснить его:

– Леша, да не тряси ты ее! Не дай бог, повредишь что-нибудь! Скорую надо вызвать, у кого телефон под рукой?

– У меня, я дозвонилась уже, – помахала я рукой, привлекая ее внимание.

Народ начал оглядываться и расступаться, пропуская меня.

– В театре женщина потеряла сознание, актриса, – быстро сообщила я диспетчеру скорой и сунула телефон в руки той здравомыслящей женщины: – Ответьте на вопросы!

А сама повернулась к Софье... к Галине Костровой. Андрей Борисович, очевидно, бежал следом за мной, и теперь около нее на коленях стояли двое. «Муж и любовник», – почему-то подумала я. Галину уже уложили поудобнее, под голову подsunули чей-то торопливо скомканный пиджак... судя по тому, что Молчалин был в рубашке, пиджак был его. Женщина лежала с закрытыми глазами, дышала мелко и неглубоко, а время от времени по ее телу пробегала судорога. Я шагнула к ней, присела рядом, нащупала пульс, слабый и частый. Черт побери, что же случилось?! Сердечный приступ?

– Сердечный приступ? – повторил голос рядом со мной.

Я оглянулась. А, здравомыслящая женщина. Она протянула мне телефон:

– Спасибо. Скорая уже едет, – взглядела в сереющее лицо Галины и озабоченно покачала головой: – Похоже на сердце... странно. Она никогда не жаловалась...

– Странно, – эхом откликнулась я и посмотрела на стол – бутылка стояла там же, где ее поставил Молчалин. Интересный вопрос: что там, отравы или простая вода? Вещественное доказательство преступления или обычная бутылка? Приберу-ка я ее, на всякий случай. И стакан тоже. А если подумать, где-то у меня в сумке запасной пузырек должен быть...

– Что случилось? – услышала я голос Феликса Семеновича. – Галочка? Что с ней, обморок? Пропустите меня, что вы здесь столпились? Скорую кто-нибудь догадался вызвать?

– Да, они уже едут. – Здравомыслящая женщина отступила назад, пропуская директора к нам.

– Мариночка, слава богу, вы здесь! – Феликс Семенович присел на корточки, схватил безвольную руку Костровой и попытался нащупать пульс. – Да что же это, у нее сердце совсем

не бьется?! Может, искусственное дыхание... нитроглицерин есть у кого-нибудь?! И отойдите все в сторону, что вы столпились! Ей воздух нужен!

Люди, которые окружили Кострову плотным кольцом, не слишком далеко, но попятись.

Андрей Борисович, торопливо пошарив по карманам, достал белую трубочку нитроглицерина, вытряхнул сразу две таблетки и попробовал положить жене в рот.

– Две слишком много, – остановила я его, – как бы хуже не было.

А Молчалин вдруг ударил Рестаева по руке, так что таблетки упали на пол, и страшным свистящим шепотом, полным ненависти и отчаяния, прошипел:

– Вы... это все из-за вас... старый мерзавец! Убийца!

– Я?! – почему-то тоже шепотом возмущился режиссер. – Как вы смеете такое говорить? Это моя жена! А вы, молодой человек, распутник и негодяй! И я вам... я вас...

Не вставая с колен, он потянулся вперед и попытался дать парню пощечину. Тот дернул головой, уворачиваясь, потерял равновесие и сел на пол рядом с головой Галины. И тоже замахнулся, уже кулаком, целясь противнику в солнечное сплетение.

– Прекратить! – рявкнула я хорошо отработанным командным голосом. – Вот только драки нам сейчас не хватало.

– Да вы что, с ума сошли! – громыхнул рядом Феликс Семенович. О, а директор театра тоже, оказывается, неплохо умеет подобные свары прекращать. – Андрей Борисович, Алеша! Нашли время! Сейчас скорая приедет, а вы тут устроили балаган!

Он схватил Рестаева за плечи, помог ему подняться и отвел в сторону. С другой стороны к Молчалину подскочили Чацкий и Лиза и почти силой оттащили его в другую сторону. Точнее, тащил Чацкий, а Лиза, эмоционально размахивая руками, тихо, но горячо что-то внушала. Сам Феликс Семенович опустился около Галины на колени, взял ее за запястье, потом отпустил руки и попробовал отыскать пульс на шее, наклонился к лицу, пытаясь поймать дыхание... потом поднял голову и растерянно огляделся по сторонам:

– Но как же это? Она не дышит... умерла?

Теперь уже никто не рвался подойти поближе – наоборот, все попятились. Кроме меня, естественно. Я тоже присела и честно постаралась отыскать признаки жизни. Черт, сердце действительно не билось! Я взглянула на часы, встала на колени поудобнее (руки сами нашли нужное положение) и надавила ладонями на грудь: раз-два, раз-два... Основам массажа сердца меня выучили, еще когда я работала в школе, а в «Шиповнике», под руководством Гошки, я довела этот навык до автоматизма. Никаких посторонних мыслей в голове, только равномерный, ритмичный счет. Раз-два, раз-два, раз-два... Все отошло на второй план, голоса людей доносились как общий невнятный шум. Наконец кто-то уверенно оттолкнул меня в сторону, а руки, с короткими пухлыми пальцами и коротко стриженными круглыми ногтями, перехватили точку компрессии.

– Сколько минут?

– А? – Я сфокусировала взгляд и увидела белый халат и хмурое лицо немолодой женщины в круглых очках. Ф-фу, это скорая, наконец, приехала! Не вставая с коленок, я отползла и посмотрела на часы: – Три минуты... нет, уже четыре.

– Понятно. – Женщина еще больше нахмурилась и, не оборачиваясь, бросила негромко: – Саня, дефибрилятор!

Дальше все было как в сериалах из жизни медиков – хорошо организованная суeta, короткие вопросы врачей, уколы, разряды электричества, четкие команды... мне места не было, работали профессионалы. Я встала, отошла в сторонку и снова взяла телефон. Я тоже профессионал, и пора мне заняться своими обязанностями.

Сначала, разумеется, позвонила в офис и сразу попросила Ниночку:

– Ставь громкую связь.

После чего коротко и четко, без лишних подробностей, обрисовала ситуацию. Народ отреагировал предсказуемо: Нина ахнула, Гоша затейливо выругался, а шеф, помолчав немного, спросил:

– Она выживет?

– Сомневаюсь. Скорая, конечно, старается, но уже, – я сверилась с часами, – уже шесть минут прошло. Бутылочку, из которой Кострова пила, я прибрала, на всякий случай. А то залапают, даже без всякого злого умысла. Хотя если там действительно что-то такое... не думаю, что годные отпечатки будут. Убийца же не идиот.

– Хм. – Баринов немного помолчал. – Уверена, что это убийство?

– Полной уверенности нет, но первая мысль у меня была о криминале.

– Угу. Гоша тебе нужен?

– Думаю, сама справлюсь. Я ведь тут просто один из свидетелей.

– Угу. Ладно, звони Стрешневу. Даже если это и естественная смерть, лучше подстраховаться. Нам неприятности не нужны. И держи меня в курсе.

Я кивнула, хотя Баринов не мог меня видеть, отключилась и тут же вызвала Володю Стрешнева. Работа детективного агентства регламентирована таким количеством ограничений, инструкций и прямых запретов, что, если подчиняться всем правилам, даже самую простенькую проверку деловой репутации провести будет невозможно. А если не подчиняться... лишение лицензии – это самая меньшая из возможных неприятностей. Поэтому по мелочам мы стараемся не подставляться. Если сотрудник детективного агентства оказался случайно свидетелем преступления, он должен немедленно сообщить об этом в полицию. Собственно, это обязанность любого законопослушного гражданина, но если для означенного гражданина допустимо растеряться в экстремальной ситуации, испугаться или просто не вспомнить об этом, то мы ничего подобного позволить себе не можем. Даже у дружественно настроенных полицейских сразу зарождаются подозрения в нашей недобросовестности, сокрытии улик и попытке использовать ситуацию в свою пользу. А ведь есть и такие сотрудники правоохранительных органов, которых существование конкурентов в лице частных сыщиков весьма и весьма раздражает. И возможности осложнить нам жизнь эти товарищи не упустят.

Володя Стрешнев – «хороший полицейский», мы дружим и с ним, и с ребятами из его группы, не раз работали вместе и весьма плодотворно, помогая друг другу, поддерживая и честно делясь информацией. Ну, как честно... по возможности, конечно. В любом случае, судя по бухгалтерии, которую скрупулезно ведет Ниночка, счет в нашу пользу. Володю это устраивает, хотя он не упускает случая побухтеть по поводу нашей привычки пользоваться его добротой. Что ж, мы действительно пользуемся – вот, например, сейчас.

– Алло, Володя, здравствуй!

Я была привычно вежлива, а Стрешнев, так же привычно, бесцеремонен:

– Рощина, отвяжись! Меня твой труп не интересует!

– Во-первых, труп не мой, – суеверно открестилась я. – Я, тьфу-тьфу, пока вполне живая...

– И с приبلудными тоже не ко мне. Меня вообще в городе нет, я в командировке и сейчас занят. Если у тебя какие проблемы – звони в управление, дежурному.

– Владимир Александрович, а вот посмотрите... – услышала я незнакомый мужской голос, и Стрешнев, бросив мне короткое «Все, пока», отключился.

М-да, нехорошо. Можно, конечно, позвонить дежурному, и даже нужно, как я уже говорила, это моя прямая обязанность, но кого на этот вызов пришлют? Хорошо, если знакомых, но в управлении много народу работает, всех я не знаю. С другой стороны – какая разница? Я ведь ни в чем не замешана, никому здесь (кроме Рестаева, разумеется) ничем не обязана и могу общаться с полицией как случайный свидетель, которым я в этой ситуации и являюсь.

Или сначала перезвонить шефу, посоветоваться? Да ну, глупость какая! Что я, такого простого решения сама принять не могу?

Пока я раздумывала, врачи, переглянувшись и обменявшись парой негромких слов, одновременно выпрямились. Рука с телефоном, на котором я уже открыла «контакты», чтобы отыскать номер дежурного, опустилась, и я сделала пару шагов, подходя поближе.

– К сожалению... – Пожилая женщина, та самая, которая сменила меня на массаже сердца, развела руками. – Родственники имеются?

– Я... – Андрей Борисович несмело шагнул к ней. – Я родственник. Муж... а что с Галей? Что с ней? Она...

– К сожалению... – повторила женщина. – И я обязана вызвать полицию. Вскрытие, конечно, покажет, но с учетом того, что сердечными болезнями она не страдала, есть определенные признаки... тут явно или суицид, или криминал. Без полиции никак нельзя.

Она кивнула второму медику, и тот достал из кармана телефон и набрал короткий номер. Ну что ж, так тоже можно. Значит, ждем дежурную группу.

Я огляделась по сторонам – разбежаться, кажется, никто не собирается. Марина почти спокойно, только немного слишком многословно рассказывает женщине-врачу, что и как происходило, остальные собираются небольшими группами, жмутся по стеночкам... в полный голос никто не разговаривает, но все активно перешептываются. На диване, у стены, сидит бледный Молчалин, с двух сторон его держат за руки Чацкий и Лиза. Как же их на самом деле зовут? Надо же, не помню! Надо бы уточнить, а то нехорошо как-то. А Рестаев где? А, вот они с Феликсом Семеновичем, в зале, на первом ряду! Я спрыгнула со сцены и подошла к ним.

– Рита? – Андрей Борисович поднял на меня покрасневшие, совершенно больные глаза. – Вы слышали? Эта женщина, врач, она сказала – суицид. Но суицид – это же самоубийство, так?

– Андрей... – Феликс Семенович мягко обнял его за плечи.

– Нет, Феликс, подожди, не мешай мне! Я должен объяснить, а то Рита может вдруг поверить! Рита, поймите, это совершенно нелепое предположение! Галя и самоубийство – это... это... это две вещи несовместные, вот!

– Как будто убийство лучше. – Директор сказал это очень тихо, но Рестаев услышал и, встрепенувшись, горячо возразил:

– Какое убийство? Это невозможно! Галя, она же... чистейший, вы понимаете, светлейший человек! Ее все обожали, вы поговорите с людьми, никто ведь о ней дурного слова не скажет, ни один человек!

Ведущая актриса, жена главного режиссера – у Галины Костровой просто по определению должна быть масса если не врагов, то просто недоброжелателей! Я с сомнением посмотрела на Андрея Борисовича и перевела взгляд на Феликса Семеновича. Он ответил мне кислой улыбкой и пожал плечами. Дескать, не спорить же с человеком в такую минуту. Тем более о покойнице речь.

Так что я тоже только покивала сочувственно и обратилась к директору:

– Полицию уже вызвали, и будет лучше, если все останутся на своих местах.

– Что, простите? – Похоже, стрессовая ситуация подействовала и на него. Конечно, в жизни директора театра нестандартные ситуации не редкость, но убийство, это уже слишком даже для закаленной нервной системы.

– Я говорю: нужно сообщить людям, что никто не должен уходить из театра, полицейские наверняка захотят поговорить с каждым, кто присутствовал на репетиции. И вахтера нужно предупредить, чтобы никого не выпускала.

– Понятно, понятно, конечно, – часто закивал он, – вы правы, это необходимо сделать. Вы займетесь?

– Будет лучше, если это сделаете вы, – мягко возразила я. – Я здесь случайно оказалась, а вы – лицо официальное.

– Ох... – Феликс Семенович потер лоб свободной рукой. – Совсем ничего не соображаю. Конечно, вы правы. Сейчас я... вот только... – Он убрал правую руку с плеч Рестаева и встал.

Андрей Борисович, словно маленький ребенок, тут же ухватил его обеими руками за запястье:

– Куда ты?

– Рита совершенно права: скоро полиция подъедет, надо всех собрать... Риточка, вы побудете пока с Андреем Борисовичем?

– Лучше, если с ним останется кто-то более близкий. – Наверное, со стороны я выгляжу слишком черствой. Да что там, я действительно сильно изменилась за годы работы в «Шиповнике», и чужое горе меня уже не трогает так, как раньше. Но я же профессионал, и моя работа – искать преступников, а не сочувствовать.

– И опять вы правы. – Феликс Семенович нервно огляделся по сторонам. – Мариночка! Подойдите, пожалуйста!

Марина оглянулась, сказала что-то врачу и, уверенно шагая, спустилась со сцены. Ее место около медиков заняли сразу трое – две женщины и мужчина – и начали что-то рассказывать, оживленно жестикулируя.

Здравомыслящей Марине не пришлось ничего объяснять – она сама поняла, что нужно делать. Женщина ловко разжала пальцы Рестаева, судорожно вцепившиеся в запястье Феликса Семеновича, присела в соседнее кресло и приобняла режиссера за плечи. Глубоко вдохнула и неожиданно запричитала:

– Ой, да что же это такое на белом свете творится! Ой, да как же это, как такое случиться могло? Да что ж наша Галочка, красавица наша, умница, да неужели ж, правда, она глазоньки свои закрыла!

Она выпевала это негромко и очень, как бы это сказать, профессионально, но для меня это выглядело настолько странно и непривычно, что я замерла, вытаращившись на нее.

Марина покосилась на меня и, не прерываясь, слегка кивнула – дескать, идите по своим делам, здесь я справлюсь. Феликс Семенович тоже осторожно коснулся моего локтя:

– Пойдемте, Рита. Мариночка знает, что ему сейчас необходимо.

А ведь действительно, Марина знала. Рестаев привалился к ней, расслабился и, наконец, заплакал.

Мы вернулись на сцену, и директор каким-то особенным голосом – вроде и не слишком громко, но, без сомнений, слышно его было даже в самых дальних уголках зала – объявил:

– Минуточку внимания!

Все замолчали и обернулись к нему. Феликс Семенович кашлянул и продолжил:

– Друзья! Нас постигло страшное горе. Галочка... Галя Кострова... – Он всхлипнул и быстро смахнул ладонью слезы. – Вы все видели и понимаете, что Галя... – Голос его сорвался. Несколько мгновений он боролся с собой, потом сделал глубокий вдох и перешел к делу: – Сюда едет полиция. Они захотят поговорить с каждым, кто был на репетиции...

– И со всеми, кто в это время находился в здании театра, – подсказала я.

– И со всеми, кто в это время находился в здании театра, – послушно повторил Феликс Семенович. – Поэтому попрошу: никому не расходиться! Это займет... – Он покосился на меня и уточнил одними губами: – Сколько времени это займет?

– Несколько часов, не меньше.

– Несколько часов, не меньше. Так что, если кому детей из садиков забирать, звоните родственникам, знакомым... пусть решают этот вопрос.

– Хорошо бы сразу список присутствовавших в зале составить, – тихо намекнула я. – Полиции пригодится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.